

СОВЕЩАНИЕ ПО ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ И МЕРАМ ДОВЕРИЯ В АЗИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ПРОБЛЕМАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Людмила Хухлындина, Виталий Воронович

Не вызывает сомнения, что развитие современной цивилизации происходит под знаком "усиления всемирного характера" [1, 8] основополагающих процессов и явлений. Однако, несмотря на серьезность экологических и прочих угроз, связанных с воздействием человека на природу, центральное место в системе глобальных проблем продолжают сохранять опасности иного рода — связанные с развязыванием на региональном уровне конфликтов с использованием ядерного оружия и умышленным приданием военным действиям глобального характера. Причем растущую тревогу здесь вызывает возможная негативная роль не новопривыкших членов "ядерного клуба" (Индии и Пакистана) и не потенциальных обладателей ядерного оружия (Северной Кореи), а в первую очередь Соединенных Штатов Америки.

Именно это государство, входя в XXI век, устами президента Клинтона заявило о возможности применения со своей стороны ядерного оружия в региональных конфликтах и намерении пересмотреть один из основополагающих документов современной общемировой системы безопасности — Договор по системам ПРО, упорствуя в своей приверженности политике мира с позиции силы.

Между тем большинство специалистов-политологов склоняется к идее о необходимости создания глобальной системы, "основанной на регионализме или сильных региональных блоках" [2, 180]. При этом они справедливо исходят из того, что наступающий этап в международных отношениях будет характеризоваться долгой и болезненной адаптацией к новому балансу сил, в рамках которого качественно изменится понятие "мощь государства" и экономический компонент вытеснит с первого плана силу военную, а императивы нового экономического порядка приобретут большее влияние на политическую часть международных отношений.

Идея создания специального института безопасности и сотрудничества в Азии неоднократно обсуждалась еще в период жесткого противоборства между СССР и США времен "холодной войны", не находя при этом широкой поддержки. Однако в начале 1990-х гг. эта идея обрела качественно иное звучание.

На 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Президент Казахстана Н. А. Назарбаев выступил с инициативой о проведении Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Побудительным мотивом инициативы являлось стремление возобновить ранее не увенчавшиеся успехом попытки создать эффективную и универсальную структуру, которая могла бы обеспечить безопасность на азиатском пространстве. По словам Н. Назарбаева, "процесс СВМДА — это долгосрочная работа по созданию современных структур безопасности и сотрудничества, в рамках которых со временем можно будет начать переговоры по разоружению в Азии" [3]. Данная инициатива стала не только

закономерным следствием взятого Республикой Казахстан курса на безъядерность и укрепление безопасности в регионе мирными методами, но и новым средством укрепления и развития информационного и функционально-организационного уровней национальной безопасности.

Безусловно, как исключительно позитивный факт следует расценивать формирование у казахстанской политической элиты понимания того, что ситуация в мире складывается исторически так, что в основе систем международной безопасности лежат общие экономические, финансовые и стратегические интересы. В последние же десятилетия стало очевидным, что глобальные экономические тенденции привели к созданию трех крупных хозяйственных центров — в Северной Америке, Западной Европе и Юго-Восточной Азии. Именно поэтому поиск нового баланса мировых хозяйственно-экономических сил находится в тесной связи с мировым стратегическим балансом, в том числе в сфере систем безопасности.

Одной из основополагающих особенностей механизма стратегической стабильности является его многосторонний характер. Принципиально важно в связи с этим именно на такой основе добиться усовершенствования и рационализации действующего сейчас механизма военной стабильности, устранив из него моменты конфронтации, снизив уровень военного противостояния вплоть до его свертывания и исключения военного фактора из сферы межгосударственных отношений. При этом каждый активный участник упомянутого процесса должен осознать: сотрудничество в укреплении стратегической стабильности требует общего подхода, единого понимания задач, целей и средств проводимой политики.

Между тем в рамках СНГ (в частности, его системы коллективной безопасности) до сих пор не удалось достигнуть подобного единства. Представляется, что отчасти это является следствием отмечаемого многими политологами и принципиально важного для российского внешнеполитического ведомства тезиса о Российской Федерации как *"ведущей силе формирования новой системы межгосударственных политических и экономических отношений на территории постсоветского пространства"* [4].

Поначалу российские руководители рассчитывали на активную поддержку США в этом вопросе, считая, что, сохраняя мир и стабильность в Евразии, Россия защищает интересы всего цивилизованного мира. В феврале 1993 г. Б. Ельцин заявил, что международным организациям, в том числе ООН, следовало бы предоставить России особые полномочия гаранта мира и стабильности в регионе [5, 129], но не встретил понимания со стороны Соединенных Штатов. Белый дом счел амбиции Москвы проявлением неоимпериализма.

Хухлындина Людмила Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета международных отношений Белорусского государственного университета
Воронович Виталий Валерьевич — аспирант кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Если следовать подобной логике, то усиленное и назойливое подчеркивание своего превосходства, провозглашение себя ведущим оставляет другим лишь роль ведомых. В сочетании с утверждением, что эти страны прежде всего являются "зоной интересов России" [4], данный факт демонстрирует пренебрежительное отношение к бывшим советским республикам и абсолютно закономерно провоцирует непонимание и реакцию отторжения со стороны новых независимых государств.

Более того, всевозрастающее беспокойство новых государств вызывает неопределенность, удивительная двусмысленность российского видения проблем безопасности в Содружестве, предполагающего для нивелирования угроз как внешнего, так и внутреннего характера создание одновременно и системы коллективной безопасности, и оборонного союза. Вместе с тем это далеко не одно и то же. Соответственно, нельзя не признать справедливость выводов В. Никонова, полагающего, что на современном этапе оборонный союз — "это второе издание Варшавского Договора" [4]. Вызывает сомнение его целесообразность для большинства республик Содружества. Кроме того, союз подобного рода, как правило, образуется для защиты от общего врага. Крайне затруднительно представить себе общего врага для Беларуси, Украины, Казахстана и Таджикистана. Коллективная же безопасность, будучи более понятной, концептуально предполагает выработку и применение санкций по отношению к агрессору. Однако ни разу участникам Ташкентского договора не удавалось выяснить, кто является агрессором и какие санкции нужно применять. Таким образом, ценность и значимость гарантий безопасности, предоставляемых данным договором, для Казахстана и прочих участников резко снижается, ибо без определения понятных целей и форм военно-политической интеграции она развиваться не может.

Между тем глобальной транснациональной тенденцией явилась смена конфронтации сотрудничеством, стратегией сохранения мира — политикой создания прочного мира. Сейчас мы видим нечто большее, нежели несколько десятилетий назад — "готовность узнать и понять другую сторону" [6, 10]. Именно осознание перехода к следующему этапу в развитии международных отношений — этапу партнерства в деле безопасности, основанному на доверии и сотрудничестве, — как, впрочем, и нецелесообразности односторонней ориентации на СНГ, побудило Казахстан к поиску новых союзников, диверсификации политических, экономических, военных, культурных связей, разработке иных моделей безопасности на региональном и глобальном уровнях. Открытие республикой своей миссии при НАТО и концептуальное обоснование инициативы о созыве СВМДА лежат в русле общего курса Республики Казахстан на активизацию международного общения и укрепление доверия.

Однако, провозглашая необходимость созыва СВМДА, лидер Казахстана не мог не понимать: в Азии до сих пор не созрели условия для созыва конференции по вопросам региональной безопасности, аналогичной Хельсинкскому совещанию. Слишком велика разница между странами региона в уровнях экономического, политического и культурного развития, слишком разные подходы по целому комплексу вопросов демонстрируют стороны. Сохраняется напряженность в отношениях лидеров региона — Казахстана и Узбекистана, зримым свидетельством чего является отсут-

ствии демаркации границы между упомянутыми выше государствами. Кроме того, наличие асимметрии в структуре размещенных в Азии вооруженных сил США и СНГ "исключает возможность проведения переговоров по разоружению, подобных европейским" [7, 5]. В этой связи объективной представляется необходимость сосредоточить внимание на разработке мероприятий, в том числе и в рамках СВМДА, укрепляющих взаимное доверие сторон.

Практика международных отношений указывает на то, что термин "национальная безопасность", само понимание безопасности и способов и путей ее обеспечения, основанное на приоритете военных средств, являются слишком узкими и должны уйти в прошлое. Понимание содержания безопасности на современном этапе должно не только соотноситься с представлениями о единстве и резко возросшей взаимозависимости мира, "предполагающими одновременное, параллельное движение по всем азимутам международной политики" [8, 6], но также исходить из примата политических средств ее укрепления, с учетом прочих факторов, активно влияющих на динамику международных отношений.

Вместе с тем в Азии имеет место специфика, пренебрегать которой неразумно и просто опасно. Необходимо всегда учитывать, что находящиеся в полосе дезинтеграции и хаоса государства (а такова значительная часть Азии) "являются конфликтообразующими элементами" [9, 1], провоцирующими кризисы, возникновение напряженности и, как следствие — военные конфликты. Помимо этого нельзя не признать, что, несмотря на отсутствие в регионе исторической почвы для развития исламского фундаментализма, социальная база (прежде всего молодые безработные люди) для дальнейшего укрепления экстремизма существует.

Вот почему инициатива Республики Казахстан приобретает огромное значение для региона. Только в результате реализации предложений Казахстана возможно удержать азиатские государства от использования новой редакции доктрины сдерживания, которая неизбежно войдет в противоречие с позитивными тенденциями в развитии международных отношений. Не следует забывать, что концепция сдерживания возникла в период жесткого противостояния "холодной войны", определив бескомпромиссный характер международных отношений на многие годы. Искусно эволюционируя "от умелого применения силы к умелой угрозе силы" [9, 9], что и является основным принципом сдерживания, военно-политическая стратегия тем не менее неизменно основывалась на предотвращении войны на глобальном уровне (а во многих случаях и на региональном) посредством угрозы применения силы.

Сегодня концепция сдерживания, представляющая собой "наглядное проявление традиционного военно-силового мышления, военно-технократической логики в обеспечении безопасности" [8, 19], становится архаичной и абсолютно не отвечает новым реалиям. Будучи изначально враждебной идее ослабления упора на ядерное оружие в обеспечении безопасности, она, в случае дальнейшего использования в Азии, делает жест Казахстана, Украины и Беларуси, отказавшихся от статуса ядерных государств, бессмысленным. Вот почему совершенно не случайными представляются два события, произошедшие вскоре после отказа республики от ядерного оружия, — совместные инициативы Казахста-

на и Узбекистана по созыву СВМДА и созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии.

Отметив явную недостаточность мер политического характера по снижению военного противостояния в регионе в частности и в мире в целом, данные республики отказались от использования военно-технического подхода, "приписывающего новейшей технологии роль диктующей силы" [8, 36]. Тем не менее, в формулировании упомянутых инициатив наблюдалась неопределенность, бросалась в глаза концептуальная слабость последних. Думается, первоначально рассматриваемые предложения отражали несколько романтический характер первых лет существования новых независимых государств, страдали отсутствием фактологической и теоретической аргументации. Между тем, как справедливо заметил лауреат Нобелевской премии мира Джозеф Ротблат, "пока не изменится основополагающая философия, мы не увидим сокращения ядерных арсеналов до нуля в течение очень долгого времени, если это произойдет вообще" [10, xiii]. Задача действительно не из легких, если учесть, что "холодная война" завершилась, но существует и воздействует на международные отношения ее страшное наследие — образ мышления, согласно которому мировую войну способно предотвратить лишь наличие ядерного оружия. Таким образом, ядерное оружие сохраняется "в качестве преграды неким неопределенным опасностям" [10, xiii], хотя сейчас многие ученые считают, что оно не имеет военного значения как средство ведения боевых действий. Следовательно, единственно возможной функцией ядерного оружия представляется сдерживание его использования другим государством. Однако указанный аргумент становится абсолютно несостоятельным, если могут быть предложены приемлемые гарантии того, что ни у одного государства ядерного оружия не будет. Данное положение и легло в основу концептуального обоснования необходимости создания СВМДА и зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии.

Поскольку сохранение ядерного оружия любым государством, вне всякого сомнения, провоцирует другие страны на получение последнего, безъядерный мир становится "более удобной альтернативой при условии создания эффективной системы верификации" [11, 5]. Казахстан решительно поддержал постулат, согласно которому всеобъемлющая безопасность должна основываться на приоритете общечеловеческих ценностей. Предложенная казахстанской политической элитой концепция предполагает создание достойных материальных и духовных условий жизни для всех народов, рациональное, бережное отношение к природным богатствам планеты, и прежде всего — к самому человеку. Вот почему в ходе анализа внешнеполитической кон-

цепции Республики Казахстан неоднократно вспоминаются слова из Манифеста Рассела-Эйнштейна: "Мы должны научиться мыслить по-новому. Мы должны научиться спрашивать себя не о том, какие шаги надо предпринять для достижения военной победы тем лагерем, к которому мы принадлежим, ибо таких шагов больше не существует; мы должны задавать себе следующий вопрос: какие шаги можно предпринять для предупреждения вооруженной борьбы, исход которой должен быть катастрофическим для всех ее участников?" [12, 378]. В сочетании с осознанием того, что для формирования системы защиты безопасности и стабильности по отношению к другим странам без использования сильного ядерного фактора потребуется время, перед Казахстаном в этом случае возникает вопрос, который озвучил В. П. Лукин. Вице-спикер Государственной Думы в пылу полемики заметил: "Как сделать так, чтобы оградить безопасность своей страны, чтобы создать ситуацию, когда бы любая держава уже никогда не могла встать перед искушением — располагая слишком большой преобладающей силой, нарушить жизнь и спокойствие людей!" [13, 38].

Бесповоротного, коренного перелома в политической обстановке на международной арене пока не произошло, и исключительно обладание современным оружием заставляет его обладателей "относиться друг к другу более сдержанно и ответственно" [14, 100]. Изменить сложившуюся ситуацию, входящую в явный диссонанс с тенденциями последних лет, и призвана инициатива Казахстана, лидер которого понимает, что в деле сокращения вооружений необходимы трезвость, взвешенность, реализм, а любые попытки "перепрыгнуть через ступени" в этом вопросе чреваты потерей мировой стабильности.

Для окончательного перехода к полному разоружению в мире должна быть создана "всеобъемлющая система безопасности, учитывающая законные интересы всех стран и обеспечивающая им полноправное участие в принятии решений" [14, 100]. По замыслу своих создателей, Совещание по мерам доверия в Азии призвано стать одной из упомянутых ступеней, одним из шагов по созданию системы всестороннего сотрудничества, укреплению доверия между государствами, которые позволят каждой стране чувствовать себя в безопасности. Никому не будет под силу, разорвав эти связи, спровоцировать военный конфликт. Таким образом, по окончании процесса образования системы конференций, подобно СВМДА, можно будет с уверенностью утверждать о формировании системы всеобъемлющей безопасности, способной обеспечить справедливость, равенство и предсказуемость в международных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионова И. А. Глобальные проблемы человечества. М.: Аспект Пресс, 1995.
2. Идрисов Е. А. Идеи евразийства во внешней политике Казахстана // Актуальные проблемы внешней политики Казахстана: Сб. статей. М.: Русский Раритет, 1998. С. 179—187.
3. СВМДА: Справка. Текущий архив МИД Республики Беларусь.
4. Никонов В. СНГ начинается с России // Известия. 1998. 27 января.
5. Цит. по: Шакина Т. А. Российская внешнеполитическая мысль: В поисках национальной стратегии. М.: МОНФ, 1997.
6. От стратегии обороны к политике мира. М.: Наука, 1993.
7. Контроль над вооружениями в Азии и интересы США в этом регионе: Слушания в конгрессе США. М., 1992.
8. Розанов А. А., Шарапов А. В. Безопасность: подходы Запада. Мн.: Універсітэцкае, 1994.
9. Тааер Абу Салех. Израиль и проблема ядерного оружия на Ближнем Востоке: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киев, 1993.
10. Нобелевская лекция лауреата Премии мира 1995 г. профессора Джозефа Ротבלата (Осло, 10.12.1995) // Мир без ядерного оружия, насколько он желателен и осуществим? М., 1996. С. xi—xviii.
11. Мир без ядерного оружия, насколько он желателен и осуществим? М., 1996.
12. Ийрьш. Ядерный джинн. М.: Издат, 1994.

13. Лукин В. Доклад на Соборных слушаниях "Ядерные вооружения и национальная безопасность России" // Ядерные вооружения и национальная безопасность России: Материалы Соборных слушаний. М., 1997. С. 38—42.

14. Заявление по итогам Соборных слушаний "Ядерные вооружения и национальная безопасность России" // Ядерные вооружения и национальная безопасность России: Материалы Соборных слушаний. М., 1997. С. 98—101.

SUMMARY

"Summit Conference on Cooperation and Confidence Measures in Asia as a Reflection of New Approaches to the Regional Security Issues" (Ludmila Khukhlyndina, Vitaly Voronovich)

The idea of establishment of a special institute on security and cooperation in Asia has been repeatedly discussed even during the period of the hard confrontation between the USSR and the USA during the Cold War period, though without gaining a wide support.

The initiative of convening a summit conference on cooperation and confidence measures in Asia (CCCMA) became not only a natural consequence of the Republic of Kazakhstan policy of the non-nuclear status and strengthening of the regional security by peaceful means, but also a new way of strengthening and development of the informational and functional organizational levels of national security.

According to the intention of the founders, the conference on cooperation and confidence measures in Asia is called upon to be one of the steps in creation of the solid tissue of multilateral cooperation, of strengthening confidence between the states that will give a feeling of security to each of the member-states. Nobody will be able to break these ties and to provoke military conflict. Thus, after the process of formation of the conference systems similar to CCCMA it would be possible to state with confidence that a system of comprehensive security able to provide justice, equality and predictability of international relations has already been formed.